

П. Е. ЩЕГОЛЕВ

Событие 1 марта и В. С. Соловьев

<Фрагменты>

Событие такой огромной важности, как акт 1 марта, не могло не привлечь самого серьезного и настойчивого внимания Владимира Сергеевича Соловьева. В ту пору он с блестящим успехом читал лекции по философии в Петербургском университете и на Высших женских курсах¹. Он развивал свою философскую систему, выдвигая вперед христианство, как элемент философский. Событие 1 марта заставило Соловьева продумать свое отношение к революции как принципу и как факту и осветить революционную проблему с религиозно-христианской точки зрения. В речи, произнесенной на Высших женских курсах 13 марта 1881 года, Соловьев формулировал свои взгляды на революцию*. Нельзя осуществить на земле правду путем насилий и убийств — вот основная точка зрения Соловьева. <...>

Высказав столь решительное осуждение насилию, назвав всякое внешнее воздействие чуждой человеку силы проявлением зверя в человеке, Соловьев, оставаясь вполне последовательным, должен был осудить и смертную казнь, как наказание по суду. Он должен был заявить о необходимости амнистии для обвинявшихся по делу 1 марта. Он так и сделал в лекции своей, прочитанной им в зале Кредитного общества², 28 марта — в тот день, когда заканчивался процесс в Особом присутствии Сената³. Мы имеем возможность напечатать содержание этой ненаписанной лекции, записанное одной из внимательных слушательниц и проверенное нами по другой современной записи и по рассказам слушателей⁴. Лекция Вл. Серг., прочитанная

* Содержание этой речи в 1881 году было распространено в гектографированных листках и напечатано в III томе «Собрания сочинений В. С. Соловьева». СПб. С. 383–387.

им 28 марта, была второй (первая была прочитана 26 марта) и носила заглавие «Критика современного просвещения и кризис мирового процесса». Содержание отчетливо передает нить рассуждений автора и сохраняет даже буквально отдельные фразы. <...>

«<...> Настоящая минута представляет собой небывалый дотоле случай для государственной власти оправдать на деле свои притязания на верховное водительство народа. Сегодня судятся и, вероятно, будут осуждены убийцы царя на смерть. Царь может простить их, и если он действительно чувствует свою связь с народом, он должен простить. Народ русский не признает двух правд. Если он признает правду Божию за правду, то другой для него нет, а правда Божия говорит: “Не убий”. Если можно допускать смерть как уклонение от недостижимого идеала, убийство для самообороны, для защиты, то убийство холодное над безоружным претит душе народа. Вот великая минута самоосуждения и самооправдания. — Пусть царь и самодержец России заявит на деле, что он прежде всего христианин, а как вождь христианского народа он должен, он обязан быть христианином.

Не от нас зависит решение этого дела, не мы призваны судить. Всякий осуждается и оправдывается собственными своими решениями, но если государственная власть отрицается от христианского начала и вступает на кровавый путь, мы выйдем, отстранимся, отречемся от нее <...>».

Одна из бывших на лекции отчетливо и ярко рассказывает об этой лекции Соловьева*.

«Это не был митинг, — тогда еще митингов в Петербурге не знали, но переполненный зал кредитного общества ждал с нетерпением своего оратора.

Молодежи, как всегда, было много; в первых рядах кресел мелькали редкие гости на публичных чтениях — крупные сановники, конечно, из категории уцелевших еще либералов, и образованные аристократические дамы, между прочим, остроумная гр. Толстая, вдова Алексея Толстого, m-me⁵ Хитрово и т. п.

Никто не знал, как станет развивать свою тему в этот вечер Владимир Соловьев, но никто не сомневался, что все, что он скажет, будет необычайно и что то будет вечная красота.

А вот и он. Высокий, тонкий, еще бледнее обыкновенного. Его удивительные глаза светятся глубоким, внутренним светом и смотрят прямо в даль.

<...> Громко и звучно раздаются вещие слова:

— Завтра приговор. Теперь там, за белыми каменными стенами, идет совет о том, как убить безоружных. Ведь безоружны же все

* «Биржевые Ведомости» в ноябре 1905 года. Заметка г-жи Р-ды Бодуэн-де-Куртенэ «В марте 1881 года».

подсудимые узники... Но если это действительно свершится, если русский царь, вождь христианского народа, заповеди поправ, предаст их казни, если он вступит в кровавый круг, то русский народ, народ христианский, не может за ним идти. Русский народ от него отвернется и пойдет по своему отдельному пути...

Вдруг перед эстрадой вырастает какая-то плотная фигура, — рука, с поднятым указательным пальцем, вытягивается по направлению к оратору.

— Тебя первого казнить, изменник! Тебя первого вешать, злодей! — гремит грубый голос.

Соловьев, слегка наклонившись, старается, по-видимому, расслышать эти возгласы. Но это почти невозможно. Бурные человеческие волны хлынули уже со всех сторон к эстраде. Могучий крик восторга, внезапной радости, умиления, вырвался разом из тысячи немых, рабьих грудей и наполнил собою все пространство.

— Ты наш вождь! Ты нас веди! — несется отовсюду.

Теперь уже десятки трепетных рук протягиваются к Соловьеву, и, минуто спустя, его одухотворенное лицо показывается высоко над окружающим его венцом старых и молодых лиц. А затем те же руки бережно несут свою ношу с эстрады в зал.

— Амнистия! Помилование! — на устах всех.

Выходные двери в вестибюль широко раскрыты, но напрасно Владимир Сергеевич старается в них проскользнуть. Все его усилия остаются тщетными. Ликующая толпа не хочет с ним расстаться и два или три раза обносит его кругом.

Лишь только кончились овации по адресу Соловьева, как на очередь встал вопрос об административной каре, ожидающей Соловьева. На лекции присутствовал между прочим и министр народного просвещения. Встретив Соловьева в вестибюле после оваций, министр посоветовал ему сейчас же ехать к Лорис-Меликову⁶ и поговорить с ним. Соловьев отказался ехать, заявив, что он не знаком с Лорис-Меликовым.

— «Это не частное дело, а общественное», — сказал министр, — «а то смотрите, придется Вам ехать в Колымск»⁷.

— Что же, философией можно заниматься и в Колымске, — отвечал Соловьев*.

На другой день слухи о лекции и об административной каре, ожидающей Соловьева, облетели весь город. Дело могло окончиться действительно высылкой, но было улажено благодаря хлопотам, в особенности К. Н. Бестужева-Рюмина и некоторых высокопоставленных лиц. Желая, быть может, парализовать действие слухов, Соловьев счел нужным обратиться с письмом к императору Александру III. Мы

* Этот факт сообщен нам г-жой Бодуэн-де-Куртенэ.

имеем возможность воспроизвести это письмо, до сих пор в печати не появлявшееся. В нем разъяснен второй из мотивов, выставленных Соловьевым против смертной казни. Соловьев писал Государю:

«Ваше императорское величество
всемилоостивый Государь!

До слуха Вашего, без сомнения, дошли сведения о речи, сказанной мною 28 марта, вероятно, в искаженном и во всяком случае в преувеличенном виде. Поэтому считаю своим долгом передать вашему величеству дело, как оно было.

Веруя, что только духовная сила Христовой истины может победить силу зла и разрушения, проявленную ныне в таких небывалых размерах, веруя тоже, что народ русский в целости своей живет и движется духом Христовым, веруя, наконец, что царь России есть представитель и выразитель народного духа, носитель всех лучших сил народа, я решил с публичной кафедры исповедать эту свою веру.

Я сказал в конце своей речи, что настоящее тягостное время дает русскому царю небывалую силу христианского начала всепрощения и тем совершит величайший нравственный подвиг, который поднимет власть его на недостижимую высоту и на незыблемом основании утвердит его державу. Милуя врагов своей власти, вопреки всем естественным чувствам человеческого сердца, всем расчетам и соображениям земной мудрости, царь становится на высоту сверхчеловеческую и самым делом покажет, что в нем живет высшая духовная сила всего народа русского, потому что во всем этом народе не найдется ни одного человека, который мог бы совершить подвиг больше этого.

Вот в чем заключалась сущность моей речи и что, к крайнему моему прискорбию, было истолковано не только несогласно с моими намерениями, но в прямом противоречии с ними.

Имею счастье быть вашего императорского величества верно-подданный

Владимир Соловьев».

Произвело ли впечатление это письмо, или подействовали хлопоты — не знаем, — но Соловьев не был выслан из столицы. Ему только было запрещено читать и произносить публично что бы то ни было, и, конечно, был усилен надзор за ним и за его произведениями. В университете Соловьев продолжал читать до весны 1882 года. Он состоял на службе еще в ученом комитете министерства народного просвещения⁸. 6 октября 1881 года Соловьев подал прошение об отчислении его от службы «по расстроенному здоровью», и 11 ноября того же года его просьба была удовлетворена⁹.

